

Последнее высказывание особенно важно: фантастика воспринимается как отражение «мнений народных».

Характерно, что такими же путями развивался интерес к Шекспиру у Андрея Тургенева: ознакомившись с «Макбетом», сначала в переводе Шиллера, а затем в подлиннике, он приступил к переводу пьесы на русский язык. Фантастические эпизоды пьесы (особенно явление трех ведьм) вызвали любопытную полемику его с Жуковским. 30 января 1802 года Андрей Тургенев сообщал друзьям о первом знакомстве с драмой: «Ах, брат! Какая это трагедия. Сколько в ней ужасу... чародейки также имеют свое действие». Ср.: «Превосходят, кажется, возможность чего-либо лучшего: страшны, убийственны, кровавы», — писал о пьесах Шекспира Галинковский. Шекспировская фантастика вызвала осуждение Жуковского (против «чародейек» и специфически «шекспировских» приемов возражал и А. Кайсаров). Андрей Тургенев вынужден был защищать свое мнение: «А прогос о Макбете, ты немножко неосновательно предполагаешь истребить ведьм или чародейек. Шекспир писал, право, не так-то без оснований, как ты думаешь».⁷¹

Галинковский хотел бы этот принцип шекспировского театра привить русской драматургии. Осуждая «Димитрия Самозванца» Сумарокова за отсутствие характеров, бедность вымысла и призывая автора «оком Шекспира взглянуть на сию сцену», он писал: «Представим, если б Сумароков изобразил злодея, брошенного народом на распутии (сцена, достойная Софокла), которого скитающаяся тень являлась устрешенным очам москвитян, подымала бури и жалостные вопли к мимоходящим».⁷²

Однако Андрей Тургенев, так же как и Галинковский, увидел в Шекспире и другое — объективность характеров, независимых от произвола автора, простоту, историческую верность образов. Работая над переводом «Макбета» он записал в дневнике 30 апреля 1802 года: «Познание человеческого сердца в драматическом писателе должно быть двойное. Не довольно заставлять говорить действующих лиц, так как они должны говорить; надобно еще уметь выбрать положения, слова, дела, так как они могут сильнее подействовать на сердце зрителя. Я хочу сказать, что одно познание относится к действующим лицам, другое — к зрителям».⁷³

В сентябре того же года он записал в дневнике рядом с наброском предисловия к переводу «Макбета»: «Вчера пришла мне прекрасная мысль. Ненадобно, чтобы греки или римляне (го-

⁷¹ Архив бр. Тургеневых, № 4759.

⁷² «Корифей», кн. II, стр. 49 и 50.

⁷³ Архив бр. Тургеневых, № 272, л. 49 об.